

MODERN PROSE

ЧИТАЙТЕ ПРОЗУ АЛЁНЫ ЖУКОВОЙ:

- К чему снились яблоки Марине
- Дуэт для одиночества
- Тайный знак
- Обратная связь
- Страшная Маша
- Всё, что помню
- Чудо где-то рядом

АЛЁНА ЖУКОВА

ЧУДО ГДЕ-ТО
РЯДОМ

СКАЗКИ
ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ

ФЛОБЕРИУМ / RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Ж86

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флоберимум»

Миссия «Флобериума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Книга издана в авторской редакции

Жукова, А.

Ж86 Чудо где-то рядом. Сказки обыденной жизни / А. Жукова. —
М.: Флоберимум / RUGRAM, 2023. — 232 с. — (Modern Prose).

ISBN 978-5-521-90907-0

В книге Алёны Жуковой соединяются восторг и ужас, нежность и жестокость, чудесное и обыденное, миф и документ. Потому что пишет она сказки. Для взрослых. Точнее — для внутреннего ребенка, который есть в любом из нас. Каждая сказка — роман в миниатюре, короткометражный фильм. «Они спустились к Рождеству» — о том, как два ангела, черный и белый, состязаются в борьбе за жизнь рыженькой официантки. «Два кольца, два конца» — о ржавых ножницах, изменивших жизнь одинокой женщины, от которой один за другим ушли муж, дочь и кошка. «Диван» — о судьбоносной подсказке советского дивана оператору Алешке Маркину, переехавшему в Канаду... Все истории Алёны Жуковой держатся на образе, потому что внутри него как раз и сконцентрирована та поэзия, без которой настоящая проза немислима.

BIC FA
BISAC FIC000000

© О.Жукова, текст, 2023
© А.Николаенко, иллюстрации, 2023
© А. Кудрявцев, дизайн обложки, 2020
© ООО «Флоберимум», 2023
© RUGRAM, 2023

ISBN 978-5-521-90907-0

СТРАШНАЯ МАША

Ее никто не любил, кроме, конечно, мамы и бабушки, а что им оставалось делать — такая уродилась, а вот папа не выдержал, сбежал. Мама говорила, что ни один мужик с таким чудовищем в одном доме находиться не сможет.

— Вся в деда своего ненормального, — бурчала бабушка, — крикливый был, вредный. Хорошо, что помер при социализме, царство ему небесное, а то сегодня бы по митингам бегал, с коммунистами затрапезными глотку бы драл. А тебе чего орать? — спрашивала она, переворачивая с животика на спинку шумную черноглазую девочку. — В тепле, в сухости, накормленная, умытая. Ну чего плакать-то?

По поводу сбежавшего зятя у бабушки тоже была своя версия, которую она громко излагала в ежедневных перепалках с дочкой. Машку, внучку, она в крайние не записывала, но при этом странным образом все же числила ее одним из факторов развода. Вот если бы ребеночка не нагуляли — свадьбу бы не сыграли. Значит, все-таки виновата Маша — не собирайся она появиться на свет, может, ее мама Наташа и папа Саша, нагулявшись вдоволь по студенческим пирушкам, накувыркавшись в постели и натанцевавшись в клубах,

спокойно расстались бы, не отягощенные неудачным семейным и родительским опытом. Наташа могла бы продолжать ежегодно поступать в театральный институт, в надежде бросить свой надоевший технологический, а Саша мог бы всерьез задуматься о большой науке и как минимум сдать кандидатские. С рождением Машки их беспечность в отношении дня сегодняшнего и энтузиазм по поводу дня завтрашнего немного поубавились.

Наташа и прежде не умела подолгу находиться в доме. Всегда ходила по квартире как неприкаянная. Насиженным местом был диван с тумбочкой для телефона. На ней кроме нагретой ухом трубки валялись огрызки яблок, косметика и сигареты. Еще таким местом была ванная, где она могла часами отмокать, умудряясь листать конспекты и что-то жевать. Саша, наоборот, поселившись у них, сразу наполнил собой тесное пространство двухкомнатной квартиры. Он был домосед, а Наташку отпускал на все четыре стороны: куда она денется на шестом месяце, с животом, торчащим на щуплом теле как футбольный мяч? Но когда Маша вылезла из Наташи и заголосила, то всем вокруг захотелось выйти из дому по неотложным делам. Наташа перешла на вечерний и стала лучшая на курсе по посещаемости. Саша ночами просиживал в лаборатории, а бабушка Вера заявила, что им в няньки не занималась и у нее есть своя личная жизнь. Все вокруг ругались, ссорились, а Машка дрыгала ногами, пускала слюни и редела. А как она еще могла выразить свое возмущение — никто не желал с ней возиться. Всем и всегда хотелось видеть ее только спящей. И говорили они одно и то же: «Ну просто ангел, когда спит зубами к стенке!» После того как мама с папой

доругались на почве распределения родительских обязанностей до развода, бабушка Вера отменила свою личную жизнь и взялась за внучку, но было уже поздно. Маше исполнилось три, но толком она ничего не говорила, только мотала головой, как ослик, мычала и ныла. Успокаивалась, когда надевали ей на голову наушники и ставили аудиосказку или просто музыку. Врачи забили тревогу давно. Еще на первой неделе жизни патронажная сестра, ощупав младенца, заявила, что у ребенка слабый тургор, бледность тканей и нечетко выражен хватательный рефлекс. Нет ли в роду шизофреников? Бабушка Вера многозначительно усмехнулась и посмотрела на зятя. Это не осталось незамеченным, и, как только медсестра ушла, начался скандал. Все громко и долго ругались, а Маша старалась их перекричать. Через два года районный педиатр нашел у девочки все признаки запущенного рахита и послал к невропатологу. Возмущенный таким диагнозом невропатолог назвал самого педиатра рахитом и послал на энцефалограмму. Машу так и сяк вертели, просвечивали, прощупывали, простукивали, но безрезультатно. Все было в норме, а девочка не бегала, не прыгала, ходила медленно и часто, замирая, останавливалась, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Если кто-то пытался вывести ее из этого ступора, начинала орать. Очень неприятно было смотреть, как ребенок сидит часами, уставившись в одну точку, постарушечьи мусоля в руках кончик какой-нибудь тряпочки, все равно, платица или скатерти, и беззвучно шевелит губами. В детский сад Машу приводили всегда зареванную, задыхающуюся от страха. Заведующая садиком заканчивала педагогический и поначалу заинтересовалась Машенькой. Но, испробовав все пере-

численные в учебнике методики и не добившись ничего, кроме глухого молчания, к девочке охладела. А после одной неприятной истории посоветовала перевести ее в любое другое, а лучше специализированное детское учреждение, как несовместимую с нормальными детьми. Дело было в том, что Маша, обычно не говорящая ни слова, обозвала воспитательницу сукой и прокусила до крови руку. Случилось это в середине лета.

Старшая группа вышла на прогулку. Жара расплавила асфальт, высушила траву. В сквере, где обычно выгуливали детсадовских, достраивали к уже существующему ряду торговых ларьков новые будки. Горячий воздух был пропитан запахами стройки, но самый ядовитый шел от большущей бочки зеленой краски, которая стояла у дерева. Ни пыль, ни вонь не могли повлиять на решение воспитательницы перейти в другую часть сквера — она пришла сюда на встречу с любимым. Его звали Маратик, и был он прорабом на строительстве данного объекта. Познакомились неделю назад, когда материалы завезли, а потом, как только поставили строительный вагончик, сошлись ближе некуда. Восточная любвеобильность замученного семейной жизнью прораба и молодая похотливость одинокой Таньки творили чудеса. Роскошество бело-розового суфле Танькиных ляжек потрясло воображение седеющего ловеласа. Ему нравилось тихонько подкрадываться к Татьяне Олеговне и, прикладывая палец к губам, чтобы детишки не выдали, щипать ее за попу. Она вскрикивала, дети покатывались со смеху. Маратик нравился. Он угощал конфетами и уводил воспитательницу ненадолго в вагончик. Таня, выставив лицо

в окно, а другую, противоположную часть тела под страстный и жесткий напор джигита, внимательно наблюдала за детьми. И случись что или даже не случись, а возникни опасная ситуация, Таня, натянув трусы, через секунду была бы возле детей. Упрекнуть ее в безответственности никто бы не смог. Но Таня на этот раз не рассчитала. Когда, закатив глаза на подходе к оргазму, она потеряла из виду небольшую группу детей, как раз и произошла эта неприятность. Дети зашвырнули воланчик на дерево, под которым стояла бочка с краской. Никто не решался его достать, хотя висел он низко, если встать на бочку, легко рукой дотянешься, но Татьяна Олеговна запретила туда подходить. Решили сбить его палкой, не получилось, тогда Маша, которая всегда была в стороне от коллектива, вдруг подошла вплотную к бочке и легко на нее взобралась. Крышка под ногой, обутой в коричневый сандалик, пошатнулась и съехала в сторону. Маша потеряла равновесие и провалилась внутрь бочки. Ей повезло, что краски там было на треть, но и того хватило, чтобы покрыть девочку почти по грудь. Дети закричали, а Таня вылетела из вагончика, не успев получить того, за чем туда ходила. Марат очумел от молниеносного исчезновения женщины, которая секунду назад так удобно притерлась и вдруг соскочила, оставив торчать в пустоте его распаленный отросток. Он раздумывал, стоит ли ждать Татьяну, но, выглянув в окно, быстро затолкал его в штаны и бросился на помощь. Таня приказала всем детям сесть на корточки и не вставать. Она наклонилась над бочкой и заорала на Машу так, что с соседних деревьев слетели воробьи. Маша закрыла глаза, чтобы не видеть перекошенное злобой лицо воспитательницы.

— Тебе кто разрешил сюда подходить?! Ты что, русского языка не понимаешь?! Теперь будешь сидеть тут до ужина, пока родители за тобой не придут. Ты хоть понимаешь, во что ты превратилась?! Тебя же теперь не отмыть! Господи, что за наказание! Не ребенок, а черт какой-то.

Марат подошел сзади, легко потерялся о Танькино бедро, но, когда увидел несчастного ребенка на дне бочки, тихо присвистнул:

— Надо вынимать.

— Пусть посидит, подумает о своем поведении, — строго ответила Татьяна.

— Краска плохая, дешевая, ядовитая сильно. Нельзя девочке так сидеть, плохо будет.

— Ну, куда ты полезешь, Маратик, испачкаешься. Мы домой ей позвоним, пусть мама полюбуется.

— Слушай, зачем говоришь так? Пока ее мама доедет, девочка заболеть может. Отойди, сам выну.

Марат сбросил с плеч рубашку, обнажив седеющую мохнатость груди, и, подхватив Машу под мышки, выдернул на поверхность. Один сандалик утонул в ядовитой жиже, но это было малозаметно, поскольку теперь казалось, что Маша одета в сплошной зеленый комбинезон, заканчивающийся чуть повыше пояса.

Весь путь назад к детскому саду Маша шла в конце строя одна. Дети поглядывали на нее и хихикали. Прохожие на улице с любопытством озирались. Пока дозванивались маме, Машу пытались оттереть и отмыть. Это получалось плохо, краска действительно была ядовитой. Татьяна Олеговна вошла в медкабинет, где нянечка Шура и медсестра Тоня спасали девочку. Когда на детском теле наконец остался только как будто въевшийся под кожу зеленый замысловатый